

с запахом тления, а с ароматом духов матери. В ходе обсуждения *Ольга Дунаевская* рассказала, что Шаров хотел написать эссе про Книгу Иова и что прототипом черного дивана из рассказа был диван ее бабушки с богатой историей. *Марк Белозёров* сравнил творческие методы Шарова и Шестова, который работал в жанре «странствия по душам»: он писал как бы интеллектуальные биографии маргинализованных интеллектуалов, тем самым пытаясь вникнуть в правду их жизни.

В ходе закрытия конференции участники прослушали фрагмент интервью писателя, в котором он говорил о том, что перевод — это перевод не с языка на язык, а с культуры на культуру. Конференция стала такой же попыткой перевода — с языка Шарова на наш язык, попыткой понять его и принять во всей его сложности, не упрощая. *Анастасия Гачева* назвала это «любвиной воскресительной работой».

Марк Белозёров

Круглый стол «“Сбросить с парохода современности!”: авангардный манифест как текст и событие»

(МГУ имени М.В. Ломоносова, 14 июня 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_423

14 июня 2024 года в онлайн-формате состоялся круглый стол «“Сбросить с парохода современности!”: авангардный манифест как текст и событие», в котором приняли участие представители МГУ имени М.В. Ломоносова, Института языкознания РАН, РГГУ, НИУ ВШЭ и Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Тема круглого стола вызвала у участников двойственные ассоциации: с одной стороны, в таком названии чувствуется литературный вызов, провокация; с другой — в нем считывается прямая отсылка к сложившемуся канону, ведь речь идет об одном из самых известных футуристических манифестов начала XX века. Заголовок, отсылая к манифесту из сборника «Пощечина общественному вкусу», сам по себе вводит в проблемное поле разговора об авангардных манифестах — между канонизацией и иконоборчеством.

Во вступительном слове *Анна Швец* (МГУ) сформулировала основную цель мероприятия — очертить проблемное поле исследований авангардного манифеста как культурного, коммуникативного и перформативного феномена. В частности, внимание было уделено трем ключевым противоречиям, вынесенным впоследствии в центр обсуждения: 1) разрыву между современным статусом манифеста как канонического текста и изначально провокативным высказыванием-вызовом; 2) вопросу о допустимости имманентного анализа манифеста вне прагматического контекста, т.е. воздействия на аудиторию; 3) проблематичности жанровой классификации манифеста¹. Швец также подчеркнула значимость манифеста как фено-

1 Манифест часто называют жанром высказывания, однако любой жанр предполагает уже сложившийся пакт отношений с публикой, в то время как сама суть манифеста — в нарушении ожиданий. Соответственно, возникает вопрос: можно ли считать манифест жанром, если он все время переизобретает себя, или же он является скорее

мена модерности, то есть как способа интенсификации культурной и социальной коммуникации, и в таком качестве — коммуникативного акта, меняющего структуру взаимодействия между автором и аудиторией. Манифест функционирует как событие, трансформирующее само поле высказывания. Тем самым вступительное слово Швеца задавало теоретическую рамку всего семинара, в которой манифест рассматривался и как текст с множественными модальностями и функциями, и одновременно как форма культурного действия.

Первый доклад, представленный *Владимиром Фещенко* (ИЯз РАН, Москва), «*В.В. Маяковский и прагматика (на примере эссе “Два Чехова”)*», был посвящен прагматике программных манифестов на примере эссе В.В. Маяковского «Два Чехова». Фещенко обратился к проблеме прагматического измерения авангардного высказывания, акцентировав внимание на субъектно-ориентированной прагматике. Манифест был осмыслен не только как акт воздействия на читателя, но и как сам жест художественного акта, где язык становится одновременно объектом и субъектом художественного действия. В манифесте язык перестает быть инструментом — он становится материалом и целью эксперимента. Докладчик пришел к выводу о том, что прагматический вектор авангарда — это самоидентификация читателя с автором, приглашение аудитории к сотворчеству.

Далее *Ольга Соколова* (ИЯз РАН, Москва) в докладе «*Прагматика протеста в итальянском авангардном и неоавангардном манифесте*» обратилась к проблематике протестного дискурса в итальянском авангарде и неоавангарде. Задачей Соколовой было проанализировать, как трансформировалась структура манифеста от директивных форм футуризма к метаязыковым стратегиям неоавангарда. Особое внимание докладчица уделила тому, как эстетическая и политическая функции манифеста сливаются в гибридной текстовой форме. Соколова пришла к следующему выводу: протестный манифест становится формой критики языка и инструментом для обновления последнего, способом формулирования эстетических принципов, тактик и стратегий нового искусства. После выступления докладчицу спросили, были ли формы футуристов переработаны неоавангардистами. Соколова ответила, что ответить на этот вопрос не так просто из-за его сопряженности с исторической и политической установкой (так как итальянские футуристы некоторое время сотрудничали с фашистами). У поэтического манифеста, как было отмечено в ходе дискуссии, вообще много общего с манифестом политическим — они пересекаются по функциям и приемам, — но тем не менее их все равно не следует путать. Неоавангардисты не прибегали к прямому заимствованию — наоборот, с их стороны происходил активный процесс переосмысления с добавлением новых инструментов работы с языком и текстом.

Ирина Зыкова (ИЯз РАН, Москва) в докладе «*Авангардный манифест с позиции теории идиоматики*» очертила проблематику в отношениях между идиоматикой и авангардным манифестом. Зыкова исследовала, как идиомы формируют структуру и поэтику манифеста и как за счет этого можно выявить взаимосвязь между идиоматикой и футуризмом (на материале текстов кубофутуристов). Докладчица использовала корпусный и семантический анализы для выявления категориальных признаков авангардной идиомы: к ним она отнесла образность, выразительность, непрозрачность, субъективно ощущаемое своеобразие, алогичность, устойчивость, направленность на деавтоматизацию восприятия, межсемио-

модусом высказывания, способом взаимодействовать с публикой, стимулировать коммуникативную ситуацию и интенсифицировать реакцию? Тем более если учесть, что существуют тексты, обладающие имплицитным манифестным зарядом, но не оформленные как манифесты.

тичность, воспроизводимость в готовом виде, неоднословность, усложненный способ указания на денотат, раздельнооформленность, абстракцию, неперевоидимость на другие языки буквально, афористичность. В завершение доклада был сделан вывод о том, что манифесты функционируют как генераторы новых языковых единиц, проникающих за пределы литературного поля. В рамках дискуссии Зыкову спросили о месте метафоры в этой теоретической модели. Докладчица указала, что, поскольку метафора — источник идиоматизации, она присутствует во всех (или очень многих) авангардных идиомах; хотя, разумеется, бывают случаи, когда метафора так и остается просто метафорой и не переходит в сферу авангардной идиоматики. В ходе обсуждения была также отмечена связь идиомы и прецедентного текста. Вынесенная в название круглого стола фраза «Сбросить с парохода современности» — это прецедент, имеющий конкретного автора и отсылающий к конкретному событию (пока сохраняется память о контексте, фраза не становится идиомой в классическом смысле). Однако со временем, когда связь с источником утрачивается, идиоматизация выражения оказывается возможной. Важно, что в современных исследованиях активно развивается понятие «авторской фразеологии», и такие выражения тоже могут быть изучены как особые лингвистические единицы.

Алексей Масалов (РГГУ, Москва) в докладе «Прагматика “Заметок о ‘мета’” *Владимира Аристов*: между манифестом и мемуарами» сосредоточился на «Заметках о “мета”» *Владимира Аристов*, которые были рассмотрены докладчиком как синтез манифеста, мемуаров и философского эссе. В центре анализа оказалась прагматическая структура текста, интерпретации авторов метапоэтического круга и концепт моноонтологии. Масалов пришел к выводу, что «манифестарность» в данном случае представляет собой осознанную стратегию жанровой гибридности, а сам текст *Аристов* функционирует как протоманифест, устанавливающий канон и задающий философские основания литературной школы. Доклад вызвал дискуссию, в центре которой оказалась проблема жанровой природы текста. *Владимир Феценко* предложил рассматривать «Заметки» как эссе и подчеркнул, что эссеизм у *Аристов* функционирует в качестве формы мышления, объединяющей мемуарный, поэтический и теоретический дискурсы. Масалов согласился с этим, но уточнил, что жанровая гибридность текста является осознанной стратегией: манифестарность, мемуарность и теоретичность образуют неразрывное единство. По мнению *Феценко*, эссеистская форма письма у *Аристов* отличается от моделей *Эпштейна* и *Кедрова* тем, что соединяет разные типы времени и дискурсивных практик: прошлое мемуара и проективное будущее манифеста. *Анна Швец* предложила интерпретировать манифестарность как характеристику синтетических текстов искусства XX века и указала на сочетание в «Заметках» модернистской дистанции и авангардной перформативности. В результате дискуссии было подчеркнуто, что эссеизм в тексте *Аристов* — не только жанровая особенность, но и способ теоретического самовыражения, открывающий новые исследовательские перспективы.

Доклад *Алексея Чернякова* и *Татьяны Цвигун* (БФУ, Калининград) «Манифест как манифест» был посвящен грамматической предикативности авангардного манифеста. Докладчики рассмотрели, как структура высказывания (модальность + время + персональность) формирует перформативность текста. Особое внимание было уделено категории коллективной субъектности и синтаксическим механизмам выражения авторитетности. Черняков и Цвигун пришли к выводу, что манифест можно интерпретировать как комплекс грамматических стратегий, обладающий прагматической направленностью и устойчивыми структурными признаками. Доклад вызвал оживленную дискуссию: в ее рамках прозвучала интерпретация, согласно которой манифесты авангарда перформатизируют непер-

формативное, создавая косвенные иллокутивные акты. Было также отмечено, что использование прошедшего времени в манифестах имитирует протокольный регистр речи, усиливая эффект авторитетности высказывания. Докладчикам было задано два вопроса: в ответ на первый, о корпусе источников, Черняков и Цвигун сообщили, что им удалось охватить лишь ограниченное количество текстов и они ориентировались не на количественный анализ, а на выявление репрезентативных грамматических паттернов. Второй вопрос — о возможности сопоставления русских и итальянских манифестов — был оставлен открытым: докладчики пояснили, что не сравнивали манифесты из-за языковых ограничений и методологических сложностей, связанных с грамматической спецификой оригинальных текстов.

Александра Еселева (МГУ) в докладе «*Риторы футуризма: структура аргументации в манифестах В. Маяковского и Ф.Т. Маринетти*» проинтерпретировала футуристические манифесты Маяковского и Маринетти через их риторическую структуру. Докладчица обратилась к аргументативным стратегиям обоих текстов: если у Маринетти преобладает судительная риторика, то у Маяковского — аргумент к невыносимости. Различие в типах аргументации позволяет описать не только разное понимание футуризма, но и отличия в культурной онтологии двух поэтов. В рамках обсуждения были уточнены рамки и потенциал представленного исследования. *Ольга Соколова* поинтересовалась, ограничиваются ли сделанные выводы анализом двух конкретных манифестов. В ответ докладчица подчеркнула, что она проанализировала значительно большее число текстов, однако в доклад вошла лишь репрезентативная часть материала. Второй вопрос был проясняющим: позволяет ли предложенная классификация аргументов учитывать различия в иллокутивной силе интенций, реализуемых в манифестах? В ответ Еселева заметила, что для этого следовало бы привлечь тексты с менее канонической структурой, поскольку различные типы манифестов демонстрируют различающиеся стратегии аргументации. *Анна Швец* в своем комментарии предложила вынести в центр дальнейшего анализа проблему соотношения универсального и ситуационно обусловленного. По ее мнению, вопрос о возможности типологической классификации интенций остается открытым и требует дополнительного теоретического осмысления, включая индуктивный подход к выявлению партикулярных прагматических моделей.

Заключительный доклад *Анны Швец* (МГУ) «*Манифесты как PR-стратегия: к постановке проблемы*» был посвящен осмыслению манифеста как PR-стратегии. На материале сборника «Пощечина общественному вкусу» докладчица описала взаимосвязь между перформансом, инвективной риторикой и задачами самопродвижения авангардных направлений. По ее мнению, авангардный манифест функционирует как инструмент самопрезентации и привлечения аудитории, а скандал используется как средство институционализации нового искусства. Выступление вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой участники вместе с докладчицей обсудили, можно ли считать, что современный акционизм наследует футуристическую модель провокационного взаимодействия, и пришли к выводу, что в акционизме, безусловно, прослеживается наследие футуризма, однако два направления отличаются своими целями и способами достижения эффекта. Кроме того, был затронут вопрос о символической конкуренции и степени ее осознания разными агентами литературного поля. Также участники дискуссии коснулись проблемы капитализации внимания, в связи с которой всплыла тема толпы и публики (с опорой на идеи Г. Тарда). Участники сошлись на том, что манифест стал способом переноса энергии толпы (быстро загорающейся и так же быстро затухающей) в сферу публики (более стабильной), а осуществляется это через скандал, эпатаж и общественный резонанс.

Рассмотренные доклады позволяют обобщить несколько тенденций в современных литературных исследованиях авангардных манифестов. Во-первых, участники круглого стола акцентировали внимание на прагматической функции манифеста как акта воздействия, жеста и формы установления культурной субъектности. Во-вторых, анализ манифестов опирался на несколько точек зрения: лингвистическую, идиоматическую, философскую, коммуникативную и институциональную. На основании всех докладов можно сделать общий вывод о высокой степени междисциплинарности современных исследований манифеста как феномена культуры модерна. Так, разговор о манифесте как тексте и событии позволил не только прояснить его жанровую и прагматическую природу, но и обозначить направления для дальнейших исследований. Актуальность поставленных вопросов и методологическая разносторонность подходов свидетельствуют о том, что манифест остается важным объектом гуманитарного знания, требующим продолжения теоретической рефлексии и эмпирических изысканий.

Екатерина Логинова, Софья Филипченко